

Материалы к словарию ульяновских (симбирских) художников.

Н. П. Анциферов в своей интересной статье, в „Известиях Ц.Б.К.“¹, останавливается на вопросах одного вида краеведной работы, которая своей целью ставит изучение духовной культуры и гл. обр. литературы. Изучение этого вопроса в целом невольно приводит краеведа к постановке проблемы изучения „литературных гнезд“, что является частью целой главы краеведного познания „культурных гнезд“ края. „Научная мысль стремится познавать явления в их естественной среде“, отсюда—необходимость изучения творческой личности „на фоне жизни края, на фоне ее судеб“... Мы должны ознакомиться со всей совокупностью жизненных условий, в которых слагались ее жизнь и творчество“, а затем и со следами, ставленными этой личностью.

¹ Н. Анциферов. „Культурные гнезда“. в ЦБК. № 7—1926 г., стр. 223—226.

Далее автор высказанную мысль конкретизирует и дает общие указания на метод этой работы, которые в целом приемлемы, но возможны и дополнения к ним.

Автор имел в виду изучение литературы. Эта работа ведется уже сравнительно давно и мы имеем, хотя и небольшие, печатные результаты¹, но вот в отношении изучения творческой личности художника (живописца, скульптора, архитектора и др.) сделано очень мало. Правда, мы имеем словари художников, граверов и проч.² и отдельные монографии художников, но там мастера взяты часто вне зависимости от края. Мерилом их были: окончание художественной школы, участие на выставках (и гл. об. столичных) и проч... В эги словари большинство мастеров, работавших вне столиц, не попало, хотя своими трудами они и заслуживали быть в ряду их; если же их имена иногда просачивались туда, то мельком и на ряду с художниками первой величины ступеньвались и не выявляли собой той действительной и реальной величины, какой они были в быту. Не было и материалов о них под руками столичных исследователей и масштаб последних слишком велик для них. Забыть же их совсем стыдно и незаслуженно... Кто же будет заниматься изучением жизни и творчества этих незаметных, но близких нам мастеров, чьи труды, опыты и достижения привыкли мы видеть с ранних лет в своем провинциальном быту. Интереснейшее поле деятельности открывается краеведу, если он захочет углубить свое познание! Изучение провинциальных живописных школ, артелей, групп и отдельных мастеров может много дать материала, ценного и для познания вообще истории русского искусства. Не всегда возможно изучение данного художника в целом, иногда придется лишь изучить отдельный период жизни и творчества последнего, связанный с краем. Пути изучения: проработка мемуарной литературы, местной периодики, отдельных изданий, альбомов, открыток и проч., а также архивов местных учебных заведений, бывших консисторий (дел, касающихся построения, ремонта, росписей и поновлений храмов), 6. губернских чертежных архивов и сохранившихся усадебных архивов. Не всегда возможно закончить изучение на местном материале: придется иногда работу по изучению к-л. мастера перебросить в другие города и столичные архивы и хранилища. Без изучения местных музеев и собраний также нельзя обойтись. Всю эту работу следует вести параллельно, переходя от произведений к творцу и обратно. Подобные поиски могут дать ценные находки и открытие новых имен. Изучение их на месте никто не сможет провести лучше краеведа. Приезжий исследователь не сможет так подробно и детально остановиться на изучении его, как краевед, живущий там постоянно. Лучше

¹ См. некоторую библиографию при работе Н. П. Анциферова.

² Труды: Д. А. Ровинского, Н. Собко, дополнения В. Я. Адарюкова и др.

краеведа никто не сможет знать и местный материал. Кто же подлежит включению в план изучения мастеров? Все художники, которые связаны с краем по рождению и обучению, а затем художники, чье творчество связано с краем, хотя они лично с краем прямо и не связаны, и, наконец, те художники, которые мельком или не надолго были связаны с краем. Материал этот должен собираться не только о художниках прошлого, но и о современниках. Работа по изучению провинциальных художников внесет не малую долю в расшифровку многих инициалов и т. н. анонимных произведений, которыми богаты провинциальные хранилища, а также прольет какой-либо свет на выявление совершенно забытых крепостных художников, которые своим трудом внесли не малую лепту в сокровищницу русского искусства. Эти безвестные труженики в отдаленных краях являлись единственными художественными очагами, от которых во все стороны затем шли лучи, подобно арзамасской школе живописи А. В. Ступина¹. Путем карточной обработки, где главнейшие моменты: изучение произведений (полный список работ), биографии, художественного воспитания, влияний и проч., с обязательной сноской на имеющиеся печатные источники. Систематизированный и классифицированный (по специальностям, векам, алфавитному порядку и пр.) карточный материал даст в будущем словарь местных художников, которые все в идеале дадут словарь художников Союза—той книги, необходимость которой так сильно ощущается нами при работе, о чем писали неоднократно² и что стоит в программе Гос. Академии Художественных Наук. Опыт собирания подобного материала, связанного с известной территорией, (Казанью, Поволжьем и др.), проводился пишущим эти строки, но материал этот еще далеко не готов к печати. Целесообразность и значимость этой работы очевидна и только необходимо осознать это в условиях края и приступить к собиранию материала.

Для начала делаю опыт и даю четыре имена художников, связанных с симбирским (ныне ульяновским) краем, которые без изучения на месте все же не будут окончательно выяснены. Эти материалы послужат дальнейшей проработкой в Ульяновском крае, в части, касающейся пребывания этих мастеров там. После проработки их облик будет цельнее, несмотря на то, что творческая личность их послужила уже темой для исследования на казанской почве. Эти материалы озаглавливаем мы общим наименованием—„Материалы к словарю ульяновских художников“, которые в дальнейшем попытаемся дополнять новыми именами.

¹ П. Корнилов. Рафаил Александрович Ступин. „Казанский Музейный Вестник“. № 1—1924 г., стр. 59—68 и отдельно.

² П. Адарюков. Очередные задачи Государственного Издательства. „Казанский Библиофил“. № 1—1921 г., стр. 7—8.

Коринфский, Михаил Петрович (1788—1851 г.)—архитектор, ученик Воронихина, вышедший из арзамасской школы А. В. Ступина, один из популярнейших зодчих первой половины XIX ст. в Поволжье, мастер, которым одинаково может гордиться Арзамас, как родина М. П., так и Казань, сохраняющая до сих пор его прекрасное сооружение в ансамбле университетских зданий— „Анатомический театр“, имевшая ряд его неосуществленных проектов по Университету, б. Родионовскому институту, Дворянскому собранию, Кафедральному собору и проч., а также приютившая его скромный надгробный памятник на своем Арском кладбище. Не чужда его работам и Ульяновская губерния, где на лучшей площади Ульяновска создано им изумительное по формам и силуэту архитектурное сооружение—Новый Троицкий собор¹, заложенный в 1824 году, и не его ли твердые, приземистые и характерные арки и колонны живут до сих пор в „торговых рядах“ уездного города—Корсуна, заложенных в 1829 г. по его проекту². И много других зданий города и губернии выдают его творца. Сколь полезна и интересна может быть работа краеведа, поставившего себе задачей уяснение роли М. П. Коринфского в строительстве Ульяновской губернии! Фигура нашего мастера, частично уже изученного³, сделается более выпуклой и ясной.

М. П. Коринфский родился в 1788 году, происходил из арзамасских мещан. После некоторой работы у А. В. Ступина, в 1809 г. поступил в Академию Художеств, из которой в 1811 году вышел, не закончив курса „по затруднению содержать себя собственным коштом“.

Занимаясь строительной практикой, М. П. в 1823 году поступил в Симбирское дворянское депутатское собрание для надзора при производстве разных построек. С 1832 по 1842 годы Коринфский работает в Казани в качестве университетского архитектора, являясь сподвижником великого Н. П. Лобачевского. За свою жизнь М. П. много построил зданий по Поволжью и еще более создал в проектах, которым не суждено было воплотиться в жизнь. 10 июля 1851 года М. П. Коринфский скончался и похоронен в Казани.

Крюков, Лев Дмитриевич (1783—1833 г.)—художник-миниатюрист, оставивший после себя довольно значительное художественное

¹ Т. К. Лукомский. Памятники старинной русской архитектуры. Русская провинция. П. 1916 г., стр. 84—85.

² В. Э. Красовский. Прошлое города Корсуна. Симбирск. 1903 г., стр. 47—48.

³ П. М. Дульский. Михаил Петрович Коринфский (1788—1851). Сборник в честь профессора В. К. Мальмберга и отдельно. (Приведена библиография). Биографический словарь профессоров и преподавателей Имп. Казанского Университета (1804—1904). Часть II, стр. 385—386.

Б. П. Денике. Л. Д. Крюков—первый казанский университетский живописец. 1916. „Ученые Записки У-та“ и отдельно.

Павел Эттингер. Материалы к истории казанского портрета. Лев Дмитриевич Крюков. „Казанский Музейный Вестник“. № 3—6—1921 г., стр. 94—97.

П. Дульский. Лев Крюков. Материалы к истории миниатюры в России. К. 1923 г.

наследие. Изучению его личности и творчества посвящено несколько работ, в которых все же остается пробел за недостатком материала о раннем периоде жизни Л. Д. и его ученических годах, которые связаны с Симбирской (Ульяновской) губернией, ибо он происходил из крепостных помещицы новой Бугульмы Аграфены Александровны Секлотовой. Какие интересные материалы могут быть найдены! Они смогут пролить свет на ученические годы Л. Д., а следовательно укажут пути развития искусства миниатюры в провинции на рубеже XVIII и XIX в.в.

Эта страница совершенно отсутствует в биографии нашего художника, которая в общих чертах такова: родился он в 1783 году, происходил из крепостных отпущенников. В 1806 году он подал прошение о поступлении учителем рисования в Казанский У-т, где и был представлен к этой должности с 1807 года. В 1812 году он был исключен из подушного оклада. Обязанности учителя нес до самой смерти, которая последовала 13 мая 1843 года. Работы Л. Д. Крюкова известны нам как в области миниатюры, так и в портрете и религиозной живописи, но лучшие достижения им даны в миниатюре, где им создан ряд прелестных, суховатых, но типичных работ.

Ракович, Андрей Николаевич (1815—1866 г.)—художник-перспективист, был связан свыше двадцати лет с Казанью, в молодые годы был не надолго заброшен в Симбирск (Ульяновск). Это недолгое пребывание там падает на годы 1838—1841, когда он занимал должность учителя рисования местной гимназии. Опять, как и в предыдущих случаях,—этот период, связанный с Симбирском, выпал из поля изучения личности и творчества А. Н. Раковича¹ и нам при работе не удалось получить ни материалов о нем, ни указаний на его произведения на почве Ульяновска, тогда как при детальной проработке этой части материала на месте безусловно будут найдены следы пребывания А. Н. До этого наш материал ограничивался лишь рядом писем, писанных им из Симбирска, где мельком упоминается его пребывание там.

Краткая биографическая канва А. Н. Раковича: родился 29 июля 1815 года. В 1824 году, поступил в академию, которую и окончил 1836 году по классу перспективной живописи. Практическую работу начал в Комитете городских сооружений, но откуда скоро перешел в Симбирскую гимназию учителем рисования, где пробыл до 1841 года, когда перевелся в Казанский Университета, пробыв там до 1863 года. Болезненная старость его закончилась 28 марта 1866 года.

Любопытная фигура А. Н. Раковича на фоне казанской культурной жизни оставила значительный след. Его „перспективы“, не

¹ П. Корнилов. Казанский художник А. Н. Ракович (1815—1866 г.). „Известия О-ва Археологии, Истории и Этнографии при Казанском У-те“. Том XXXIII, вып. 2—3. и отдельно. (Приведена исчерпывающая библиография).

лишенные известной привлекательности, неоднократно были награждаемы, а сам автор был удостоен звания „академика“.

Худяков, Василий Григорьевич (1826—1871 г.)—художник исторической и портретной живописи. Родился в Симбирске в 1826 году, происходил из бедной семьи. Первоначальное художественное обучение получил в школе рисования гр. С. Р. Строганова и школе живописи ваяния и зодчества в Москве. За свои работы В. Г. в 1851 году получил „назначенного“, а затем „академика“. В 1856 году путешествовал за границей. В 1862 году получил звание „профессора“ и был с этого года по 1862 преподавателем в школе живописи, ваяния и зодчества в Москве, а затем окончательно переехал в Петербург, где и продолжал свои художественные работы.

14 июня 1871 года его жизнь прекратилась в холерную эпидемию.

Василий Григорьевич, указывая в своей автобиографической записи место своего рождения, совершенно не указывает детали этого обстоятельства и в многочисленных исследованиях о В. Г.¹ тут замечается пробел, который необходимо восполнить. Среди его произведений указывается между прочим и картина огромного пожара Симбирска, как отголосок переживаний автора.

Много следует добавить и как-то связать художественную личность В. Г. с краем, где он родился, учился и куда, повидимому, все-таки заглядывал, хотя и жил в столицах, сначала в Москве, а затем в Петербурге.

На примере этих четырех имен из различных областей искусства становится ясным и необходимым углубление краевой работы в сторону изучения художественной культуры Ульяновского края, чего до сих пор, к сожалению, не делали². Пожелаем успеха новому краеведу-искусствоведу, которого безусловно ждет любопытнейшая страница из культурной эпопеи края.

П. Корнилов.

¹ П. Корнилов. Василий Григорьевич Худяков. Казань. 1926 г. (Указана библиография и приведены новые архивные материалы).

² Исключение составляет высокополезная деятельность местного художника Дмитрия Ивановича Архангельского.

Материалы к словарю ульяновских (симбирских) художников.

II.

В своей первой статье об ульяновских (симбирских) художниках¹, мы остановились на представителях искусства прошлого, в настоящем очерке продолжаем свою тему и пытаемся дать новую группу имен местных художников, но принадлежащих современности. Рассмотрение их будем вести в алфавитном порядке (как принято нами), останавливая внимание как на фактах биографического порядка, так и творческих исканий последних, с обязательной ссылкой на имеющуюся и известную нам библиографию о них.

Архангельский, Дмитрий Иванович—художник акварелист и гравер. Родился в Симбирске 23 февраля 1885 г. (по ст.ст.). Образование получил в местной духовной семинарии, по окончании которой избрал педагогическую работу в народных училищах. Интерес к искусству, рано обнаруженный в нем, заставил в будущем работать, искать навыков и путей в интересующем его виде изобразительного искусства. Получал указания от маститого художника П. И. Пузыревского, с которым иногда работал вместе. В 1913 г. сдал экзамен на учителя рисования при Академии Художеств, но до этого еще начал преподавательскую работу по рисованию в местных учебных заведениях. Со своими работами впервые выступил на выставке 1908 г., а в 1910 г. вместе с П. И. Пузыревским устроил „Гончаровскую“ выставку в Петербурге. С 1914 г. начинаются частые выступления на местных и иногородних выставках. Его работы имеются в Ульяновском, Казанском музеях, Музее города в Ленинграде и других собраниях. Много вещей приобретено у него в 1921—22 гг. американскими корреспондентами и представителями Датской миссии, посетившими Ульяновск в тяжелые голодные годы.

Почти четверть века работает Д. И. в своем родном городе—являясь его художественным летоисцем. Таким он выявился в своих многочисленных этюдах—акварелях. Старина и прошлые страницы симбирской жизни переплетаются в его работах с новой жизнью Ульяновска. Пейзаж, пейзаж архитектурный—вот стихия и любимая область Д. И. Нельзя найти типичного уголка Ульяновска (Симбирска) и губернии, где не побывал бы Д. И. со своим альбомом набросков.

¹ „Край Ильяча“. Сборник, № 2. Казань. 1927 г., стр. 36—41 и отдельно в 60 экз.

Работает он быстро, смело, хорошо чувствует форму и фактуру вещей, любит чистые акварельные тона. В акварели Д. И. большой мастер. Он делает большое и нужное дело. Вечно в движении, он не знает безмятежных дней и часов. Если он окончил одно, то у него уже целый рой новых планов, и так без конца. Удивительный, редкий человек для нашей, все же сонливой провинции, привыкшей до революции к безмятежному сну и теперь с трудом освобождающейся от старой и вредной привычки.

Гравировать Д. И. стал с революции, видя в гравюре удачное сочетание: возможность воплощения своих творческих переживаний и размножение последних во многих экземплярах для неведомых единомышленников. Его резцу и литографскому карандашу принадлежит ряд изданий, который дополнен недавно новой папкой: „Линогравюры Д. И. Архангельского“, 1928 г., и оттиском: „Линогравюра в Ульяновске (1918—1928 г.г.)“.

В 1926 г. была устроена индивидуальная выставка его работ в Центральном Музее ТССР в Казани и был выпущен иллюстрированный каталог—монография¹.

Астапов, Гавриил Константинович (1887(?) г.—1912 г.)—художник-живописец. Материалы о нем крайне скудны: нам известна лишь статья А. Ф. Мантеля², где автор совершенно не касается его биографических данных (что следует восполнить землякам-краеведам), останавливая внимание читателей лишь на беглых штрихах воспоминаний о нем.

Художественное образование Г. К. получил в Казанской Художественной Школе, где скоро сумел проявить себя как сторонник импрессионистического течения. Сама же Школа, кроме условной техники, ничего не дала, по уверению самого художника. Пожалуй, с этим можно вполне согласиться, если вспомним состав руководителей школы и царившие там вкусы.

Г. К. случайно (?) попадает на не надолго в Париж, и этот, казалось, мимолетный эпизод окончательно укрепляет его в путях художественных исканий.

Работы, имеющиеся в Казани, в Музее и у ряда лиц—таким и рисуют его автора—последователя французского импрессионизма. Пуантель, чаще мелкий мазок свежей, горячей краски покрывает все полотно (больших холстов видеть не приходилось), где творческим чутьем художника встают те настроения, которых он добивался. Пейзаж, пейзаж с архитектурой—все залито потоками солнца, мириадами красочных переливов, какая-то пляска красок, но чуткий (не обывательский) глаз улавливает настроение и всю сложную задачу,

¹ Д. И. Архангельский. Казань. 1926 г. 16^о, стр. 16. 200 экз.

² Г. К. Астапов (+14 дек. 1912 г.)—„Казанский Музейный Вестник“, № 3—6, — 1921 г., стр. 112—117, и краткий некролог его же в сборнике „Зилант“. К. 1913 г., стр. 37—41.

которую так дерзко для своих лет и времени ставил перед собой молодой художник. Импрессионизм: фиксация момента, мига—удавалась ему вполне.—Нельзя думать, что Г. К. был вполне свободен в эти годы от шедевров Мане, Моне, Писсаро и других, которых ему удалось повидать и изучить в Париже, но он искал и свои пути.

Второй эпизод на его жизненном пути—это недолгое пребывание в Константинополе (на службе в русском консульстве), откуда он привез этюды, пропитанные южным солнцем, откуда он очень характерно писал А. Ф. Мантиль: „город не так уже красив, как о нем говорят. Все делает поразительно синее небо и яркое, яркое солнце. Все здесь горит, переливается, трепещет“...

Снова возвращение в Россию и учительство в Сызрани. Это третий и заключительный эпизод. Здесь Г. К. трудно жилось; если материально он сколько-нибудь был обеспечен, то в остальном он был крайне беден: ни среды, ни понимания окружающих, ни возможности работать с видимым результатом. Начинается безотрадная жизнь, впечатлительного, с тонкой душой художника, совсем еще юного, но смятого окружающей жизнью. Из этого третьего эпизода не было, повидимому, выхода творческой личности художника. Его молодая жизнь оборвалась бессмысленно и глупо. В пылу ли винных паров, спора—он был застрелен, а м. б. и зарублен шанкой какого-то офицера. Таким образом 14 декабря 1912 г. (ст. ст.) угасла жизнь художника, который многого достиг, но был способен еще идти вперед.

Знавшие его близко всегда верили в его талантливость, но в тяжелые предреволюционные годы трудно было жить людям с исканиями, гордо поднимавшим голову и имевшим свой путь. Г. К. Астапову не удалось пробить толщу обывательщины, и он погиб так же несурово и безвременно, как и многие ему подобные. Они не тепличные растения, им не нужно искусственной среды, но они по человечески, гордо требовали своей доли... Жизнь оказалась для них мачехой. Вспомним о нем добрым словом, соберем для будущей памяти его творческой личности материалы, которые могут быть случайно обнаружены у его друзей, знакомых, в школе и проч.

Остроградский, Алексей Николаевич—художник портрета и жанра. Родился в 1867 году. Учился в Академии Художеств с 1887 по 1891 г., где получил ряд наград за свои работы: в 1891 г. вторую серебряную, в 1894 г.—первую серебряную медали и звание классного художника за картину: „Триумф Саломеи“. 2-го ноября 1899 г. получил звание художника за картину: „В мастерской“¹. Ученик Ильи Ефимовича Репина, тонкий рисовальщик и опытный живописец с приятной красочной фактурой и большим знанием и умением подходить к натуре. Чувство характеристики, пластичность

¹ С. Н. Кондаков. Список русских художников. К юбилейному справочнику имп. Академии Художеств, стр. 146.

техники и гармоничные краски—делают произведения А. Н. достойными ученика И. Е. Репина.

Работает он вдумчиво, медленно, любит отложить холст для того, чтобы улеглось первое впечатление, слишком острое и не выработанное в деталях; мастер кисти, но с ровным темпераментом, не знающий бурных кипений.

С Симбирском (Ульяновском) он сжился. Здесь он начал давно. с 900-ых г.г. педагогическую работу в „Трудовом пункте“ и в других немногих местах тихого, но своеобразного города. С революции А. Н. начал свою музейную работу, являясь одним из ее начинателей в Ульяновске. В трудные дни экономической разрухи, среди всплеск гражданской войны, он с рядом преданных искусству лиц,—собирал ценнейшие материалы из различных частных собраний, не давая гибнуть им в эти дни. То, что собрано и сделано им в Художественном Музее, на б. Московской ул. (д. б. Перси-Френч)—это большое общественное дело. Он заведует Музеем, но это в условиях наших провинциальных музеев—звучит не так гордо, как можно представить со стороны. А. Н. несет всю сложную работу на себе, начиная от научных консультаций-аттрибуций, изучения и определения тех или иных произведений, довольно-таки обширного собрания Музея и кончая развеской, монтировкой, этикетажем и проч. Вечно в рабочем кабинете, руки в клею, на столе отвертки, гвозди, молоток, вместо привычных кистей, красок, книг по искусству.

Гурман по вкусовому ощущению в искусстве, но не боящийся черной работы, во имя торжества того же искусства, которому отдана вся жизнь, а это значит, в наших условиях, далеко не обеспеченная жизнь, полная лишений и тревог за завтрашний день и отсутствие возможности жить новыми, свежими впечатлениями в близкой его психике атмосфере.

Пластов, Аркадий Александрович—живописец и скульптор. Родился в 1893 г. в с. Прислонихе, Симбирского уезда и губернии. В 1908 г. поступил в симбирскую духовную семинарию, где прошел четыре класса. С 1908 по 1912 г.г., когда в нем проснулись интересы к искусству, пользовался советами Д. И. Архангельского. К этому времени относятся первые его выступления на выставках „Трудового пункта“, где в то время преподавали живопись П. И. Пузыревский и А. Н. Остроградский.

Лето 1912 г. работал у художника Ильи Машкова и готовился к поступлению в Училище Живописи, Ваяния и Зодчества, но поступить пришлось в Строгановское училище, где и работал до 1914 г., когда по экзамену перешел в Училище Живописи, на скульптурное отделение, и работал там у художника Волнухина. Училище Живописи, Ваяния и Зодчества окончил в 1917 году.

Сделавшись художником, А. А. Пластов не забыл свою родную деревню и продолжает жить и работать там и лишь по зимам работает в Москве.

Хорошее знание деревни, непрерывная с ней связь и активное участие в ее повседневной жизни — выковали из А. А. любопытного художника — бытописателя нашей деревни. Он, благодаря глубоким корням с ней, выгодно отличается от тех художников, которые только туда ездят на этюды, думая, что в эти короткие наезды они могут научиться понимать особую жизнь деревни. А. А. бытописует без прикрас: он слишком тонко знает как внешнюю, так и внутреннюю сторону этой жизни. Пересматривая его работы: этюды красками, наброски свинцовым, итальянскими карандашами и сангиной, начинаешь понимать тот круг, из которого вышел он, с которым он связан неразрывными узами. Если он поднялся в своем развитии „на много голов“ над окружающими, то от этого не изменился его подход к родному быту. С листов его работ на нас смотрят: любопытные персонажи — старые и молодые, миловидные и карявые, с характерными и обычными лицами, в своих обычных шапках, картузах, платках — словом, это галерея живых его современников, но не фотографически зафиксированных, а остро, психологически прочувствованных автором и закреплённых в той или иной технике, с присущей ему манерой. В этих листах он незаурядный рисовальщик-портретист. В пейзажах его — деревня, как она есть, с грязью, с лужами, соломенными кровлями и проч. необходимыми атрибутами. Радостнее и лиричнее он на чистой природе: в лесу, поле, где-нибудь около своих любимцев — лошадей. Портреты лошадей так часты, что невольно улавливаешь автора в большой симпатии к этим незаметным, но основным трудовым единицам нашей деревни, несмотря на трактаризацию и электрофикацию. Изумительно чувствует он анатомию лошади, точно изучил трактат великого Леонардо. Это достигается долгим наблюдением над объектом. Эти рисунки говорят о хорошей школе и о скульптурном даровании автора.

Так, в его работах отразилась наша деревня со всем ее багажом, поэтому его творчество должно быть близко нам. Очень мало знаем мы действительно талантливых людей, которые сохранили бы связь со своей прежней средой, особенно с деревней.

В живописи А. А. имеет смелую технику, иногда акварель заменяется темперой, но и здесь та же сочность. Рисунок варьируется: то он графически точен и проработан, то размашистая недоговоренность, будто бы подготовка к красочной живописи. Не чужд он и композиционных исканий: им недавно создано интересное произведение, посвященное Пугачеву, ныне находящееся в Музее-Доме В. И. Ленина в Ульяновске, там же можно увидеть и другие его работы.

Скульптурные работы А. А. нам менее известны. Так, им исполнены барельефы В. И. Ленина для мемориальных досок, известен

ряд проектов для памятника жертвам революции в Ульяновске, но, насколько последние работы разрешают пространственную задачу в пластике, сказать не сможем, ибо их не видели. Есть ли у него чувство монументальности, нам это тоже неизвестно.

Вполне достаточно и тех живописных работ А. А. Пластова, которые созданы им, чтобы отвести ему достойное место в ряду ульяновских художников. Его выгодно отличает особое своеобразие, строгость к себе и к своим работам. О нем еще рано говорить как о художнике законченном: у него еще многое впереди—он в самом расцвете своего интересного творчества, которое актуально для наших дней.

Трапицын, Азарий Иванович—художник-пейзажист. Родился 28 января 1884 года в с. Поломское, Орловского уезда, Вятской губернии. Первоначальное художественное образование получил в Казанской Художественной Школе, где пробыл с 1902 по 1907 год. После окончания последней А. И. недолго работал преподавателем во Владимире на Клязьме. Затем снова стал работать по искусству, поступив в 1910 году в Училище Живописи, Ваяния и Зодчества в Москве, где работал по живописи у С. Д. Милорадовича, Н. А. Касаткина, А. С. Степанова, А. Е. Архипова, Л. О. Пастернака, А. М. Васнецова, К. А. Коровина и С. В. Малютина. Одно перечисление руководителей А. И. говорит наглядно о том многообразном на него художественном воздействии столь различных мастеров, как С. Д. Милорадович и К. А. Коровин, Н. А. Касаткин и Л. О. Пастернак и т. д. Странное, на первый взгляд, это обстоятельство для ученика, желающего работать, могло сыграть хорошую роль: не было возможности подпасть под влияние учителя и тем самым обезличить себя навсегда.

В 1914 г. был закончен курс Училища, а через два года получено звание художника первой степени за картину: „С берегов Вятки“. После этого начинается его педагогическая работа: с 1914 по 1920 г. в Вологде в мужской гимназии, в техническом училище, а в революционные годы в школе второй ступени и в Гос. Художественных Мастерских. В 1920 г. он перевелся в г. Ульяновск, где также продолжал педагогическую работу во многих учебных заведениях, а с 1922 г. состоит руководителем по рисованию и черчению в Строительном Техникуме.

Этим одним не исчерпывалась и не исчерпывается работа Азария Ивановича Трапицына. Все свободное от занятий время отдает он живописи, а по летам уезжает писать преимущественно на Волгу. А. И. пейзажист по основным своим художественным стремлениям, любит писать прямо с натуры большие холсты, пишет масляными красками.

Любовь к пейзажу у него сложилась давно, он и на конкурсе вышел с работой, написанной на родной Вятке. Теперь, живя на Волге,—он всей душой отдается ей, живописуя ее типичные уголки. Последние годы он работал в Жегулях и собирался подняться нынешним

летом по Волге до Казани. Свои работы А. И. начал выставлять с 1910 г.: в Училище Живописи, Ваяния и Зодчества, Товариществе независимых, Группе московских художников, Ассоциации московских художников, организованной Д. Бурлюком и т. д., а последняя выставка 1927 г. была индивидуальной и устроена Обществом изучения Ульяновского края¹, где были представлены работы А. И., посвященные Волге и Ульяновску. Из его работ пришлось мне видеть немного. Работы акварелью своеобразны, больше напоминающие темперную технику, а масляная живопись выполнена дробною техникой, с своеобразным колоритом, немного напоминающую технику А. М. Васнецова. Композиции его различны, но как будто бы он питает интерес к большим панорамным картинам, где работает не только над сюжетом, но и над формой произведения. Своеобразная техника и весь подход его к своим работам характеризуют А. И. Трапизина, как мастера со школой, верного представителя и последователя реалистического течения русской пейзажной живописи, родоначальником коей мы смело можем считать художника Саврасова, а венцом достижений этой школы—произведения И. И. Левитана.

А. И. Трапизин художник вполне сложившийся, но не останавливающийся на своем творческом пути.

Его работы представлены в Ульяновском Художественном Музее и ряде частных собраний.

Эрьзя, Степан (Дм. Нефедов)—скульптор. Родился в 1874 году в Симбирской губернии, в одних из мордовских выселок за Сурой, против города Алатыря². По происхождению мордвин, вышел из крестьянской среды. С четырех лет обозначились в нем художественные наклонности, которые не поощрялись его окружающими. В ранние ученические годы он отдавал все внимание рисованию. Позднее свои навыки ему пришлось отдать иконописи, работая в Алатыре, в казанской иконописной мастерской и во многих церквях Поволжья. В 1902 г. он учится на вечерних курсах в Строгановском и Училище Живописи, Ваяния и Зодчества.

В 1906 г. он должен был покинуть Россию. На Западе, куда манили его художественные интересы, Эрьзя начинает свои скульптурные работы, терпя голод, холод и нужду. Но, вот, наконец, создана скульптура—„Последняя ночь“, которая сразу завоевала европейское внимание, и судьба нашего скульптора была решена.

„Тоска“, „Человек каменного века“, „Дьяк“, „Христос“, „Агриппина“ и др.,—вот те работы, которые последовали за „Последней ночью“, где автору изумительно удалось передать настроение „предсмертного часа“.

¹ Выставка картин художника живописи Азария Ивановича Трапизина (декабрь 1927 г.). Ульяновск и Жигули. 1927 г. Предисловие Н. С(олова).

² За последние указания приношу благодарность редакции.

Имя Эрзы принадлежит западной прессе. У него две мастерских: одна в Париже, другая в Милане, но не забыта и родина, куда он наезжал не раз, участвуя на редких выставках. Из скульптур московского периода имели большой успех: „Монголка“, „Лежащая женщина“, „Голова Федотовой 2-й“ и др. В революцию он работал и имел мастерскую на Урале, чтобы всегда иметь под рукой мрамор. Там он работал над памятником к 1-му мая. Для себя делал там: „Голову Иоанна Крестителя“, „Моление о чаше“ и др.

Пребывание С. Д. Эрзы в мировых центрах художественной культуры сделали его мастером „высокого вдохновения“.

Все его вещи отмечены печатью большого мастерства, тонкостью характеристики изображенного и особой психологичностью. Особенный „покой“ в его вещах, вытекающий из самой психологии творца, который считает, что „задача искусства—нести гармонию в человеческие души“...

Небогатая история русской скульптуры, трудами С. Д. Эрзы—самородка и выходца из глуши нашей провинции—обогащена многими страницами. И удивительный „покой“, которым отмечены его произведения, С. Эрзы впервые познал на своей родине, подслушав многое у окружающей природы.

С. С. Розанов писал о нем так ²: „там приходило лето, начинала играть река, шумел дремучий лес и наш подросток надолго пропадал из душной избы, среди природы, на речном просторе, в этой первой своей несколько необычной мастерской, он мня глину и лепил из нее понравившиеся ему формы“...

П. Корнилов.

² У Эрзы на Урале. „Аргonautы“. 1923, I, стр. 70—71.